

Геннадий КРАСНИКОВ

г. Лобня Московской области

МЕЖДУ ГИМНОМ И РЕКВИЕМОМ

Вообще-то, после замечательной статьи Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру о Константине Скворцове «Суровое веселье взгляда» писать о нём довольно-таки трудно. Как пушкинских «коней ретивых» узнают «по их выжженным таврам», так ни одна статья о поэзии К. Скворцова, пожалуй, уже не может обойтись без родовых знаков этой поэзии, открытых Н. Матвеевой и И. Киуру. Словно универсальным ключом к пониманию творчества поэта, воспользуемся их определением: «У всякого поэта своя любимая тема, своя звезда, своё неповторимое «я», и у К. Скворцова – это Россия из себя и сам – из России, весь из неё – страны не мону-ментально-картинной, а страны трагически-незна-емой, где всё вглубь и вширь надо решительно открывать заново, пусть даже «У самой бездны на краю»...» Уточним лишь, что статья Н. Матвеевой и И. Киуру посвящена в основном поэтической дра-матургии К. Скворцова: «Стихами ведь написаны драмы. Между тем как все хорошие люди пишут Россию ругательной прозой...» – с горькой ирони-ей замечают они. Но ведь и собственно лиричес-кую, более личностную в биографическом плане поэзию К. Скворцова невозможно понять без той корневой исторической перспективы, о которой говорят авторы в связи с его драмами: «Он открыв-вает нам очень свою Россию, как М. Цветаева – своего Пушкина и своего Пугачёва, С. Есенин – своего Пугачёва и свою Русь – от своего могучего лирического начала, от славянского начала!..»

Для внимательного читателя заметим, кстати, что если его заинтересует драматургия К. Сквор-цова, то более глубокой (с гениальными исто-риософскими озарениями) статьи на эту тему, чем статья Н. Матвеевой и И. Киуру «Суровое ве-селье взгляда» вы не найдёте. Что уже само по себе говорит о масштабе художественного явле-ния, которому посвящена их работа...

В разговоре же о лирике поэта формула «Россия из себя и сам – из России» наиболее полно и крат-ко представляет не только главный мотив поэзии К.Скворцова, но и то, что можно назвать мотиваци-

ей его творчества, мотивацией его жизненных пос-тупков, его отношения с историей, с близкими людьми, с друзьями и врагами, с природой... От-сюда узнаваемость авторской индивидуальности К. Скворцова, его поэзия несёт на себе отпечаток сильного мужского начала, столь редкого в совре-менной бесполой литературе. Даже в исключи-тельно лирическом сюжете он (хотя и не без доли театральности) не прочь показать характер. Кажет-ся, после Юрия Кузнецова никто, кроме него, столь грутально, как теперь принято говорить, не смог бы описать известные чувства и страсти:

*То ль от ветра качаются маки,
То ль огонь благодатный горит,
То ль Амур приготовил к атаке
Эти лёгкие копыта зари?!*

*Мы с тобой не по возрасту смелы...
И, любовные счёты сводя,
В сердце мака вонзаются стрелы
Золочённого солнцем дождя...*

*Ничего нет страшнее и краше:
Мак и пламя, огонь на крови...
Ты не зли меня... В гневе я страшен,
Так же, как беспощаден в Любви!*

Вроде как всё по-русски, словно бы по извест-ному пушкинскому признанию: «Суровый славя-нин я слёз не проливал» и при этом – опять же, знакомо, по-русски: «но понимаю их», и следом, как у того же Александра Сергеевича: «И горько жалуюсь, и горько слёзы лью...» Так и в поэзии К.Скворцова, рядом с жесткими сюжетами, с опи-санием драматизма военного детства, с проис-шествиями в рискованных походах, в испытаниях дикой природой, – пронзительная нежность, жа-лость, сострадание в стихах о матери, об отчем доме, о любимой женщине, о Родине, о стариках, о русской песне... И какая уж тут суровость, если сердце болит обо всём живом на свете:

*Во мху на выбитом утёсе,
Построенные ветром в ряд,
Четыре крохотных берёзки
Дрожа от холода, стоят.*

*Что дался мне их вид неброский,
Их непокой и неуют?
Четыре маленьких берёзки
Мне спать, как дети, не дают!*

И как тут не подумать – уж не дальние ли родственники эти по-сиротски продрогшие в равнодушном мире берёзки лермонтовской «чете белеющих берёз», или той, есенинской берёзке, которую «как жену чужую» обнимал поэт?..

Есть у Константина Скворцова один профессиональный, прямо скажем, небесспорный критерий, по которому, как он считает, можно отличить поэта: поэт непременно должен знать наизусть собственные стихи. Правда, мне приходилось встречать графоманов, на память читавших целые поэмы, и талантливый авторов, выступавших с книгой стихов в руках. Однако понимаю и оправданность непростых слов К. Скворцова, в которых скрыт глубокий смысл: для поэта знать наизусть свои стихи – значит в первую очередь знать, помнить наизусть свою Россию, её дух, её воздух, память, сердце, характер, её тайну (об этой тайне – практически все исторические пьесы К. Скворцова)... И себя самого знать наизусть со всеми грехами, тёмными и светлыми лабиринтами сердца, с мучительной совестью и страдающей душой, с верой и отчаяньем...

Собственно о таком психологическом механизме памяти и говорит К. Скворцов, поскольку стихи есть инструмент постижения и осмысления России, истории, мира, себя самого, своего сердца, памяти живых и мёртвых, родства земного и небесного. Поэтому так неразрывно переплетены в его поэзии корни древа жизни и древа родового. Можно утверждать, что он певец родового дерева, где всё дорого, всё свято, всё родное, вечное: мать, отец, дед, прадед, Русь-Россия, дети, внуки... И враги этого родового древа, а значит и самого поэта – войны, вороги-вороны, время, смерть, беспомыслие. Казалось бы – простая философия жизни, но это тот дом бытия, построенный не на песке, а на вечных ценностях, без которых он рухнул бы, исчез с исторической почвы вместе с корнями и кроной, с поколениями предков и потомков... В этой сквозной сокровенной теме своего творчества поэт каждый раз как бы поворачивает круговое колесо памяти, чтобы услышать «зов вечности» (о. П. Флоренский):

*В городе Туле в старинном посаде,
Не признавая тяжести лет,
Ворот рванув, умер добрый мой прадед.
Умер, а я появился на свет...*

*Лебедь летел и кричал ошалело.
Всё в этой жизни, знаю, не вдруг.
Видимо, новое горе пришло:
Умер отец, но родился мой внук.*

*Новые лебеди низко летели.
Острые крылья касались земли.
Матушку белые вьюги отпели,
А по весне внучку в дом принесли...*

*Скажут мне вслед: балагур и обманщик.
Скажут и тут же забудут про всё...
У перекрёстка вечный шарманщик
Плачет и крутит своё колесо.*

Род, природа, время, любовь, песня, Россия... Вот бесконечный круговорот судьбы, путеводные звёзды поэтического мира К. Скворцова. И надо всем этим – страшное зарево войны, навсегда отпечатавшееся в глубинной памяти ребёнка, когда вокруг:

*То ли взрывы, то ли нимбы
Метались птицами в дыму.*

В этой яркой апокалиптической метафоре, метафизически соединившей жертвенность и святость подвига народа, – исток драматизма поколения военного детства, через всю жизнь несущего в себе психологическую травму и тему пережитой ими безмерной человеческой беды и страдания. К. Скворцов – из этого трудного поколения носителей трагической правды, поколения, к которому в прозе принадлежат В. Распутин, В. Белов, Ю. Казаков, В. Шукшин; в поэзии – Н. Рубцов, А. Прасолов, В. Костров, Н. Матвеева, Г. Горбовский, Ю. Мориц, И. Шкляревский, Д. Сухарев, Л. Смирнов, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, С. Куняев, Р. Рождественский, О. Фокина, Т. Глушкова, А. Передреев, О. Чухонцев, Ю. Кузнецов, И. Киуру, Г. Русаков, Г. Шпаликов, А. Чиков, Г. Хомутов, А. Решетов, В. Пахомов; в музыке В. Гаврилин; в живописи В. Попков...

Может быть, именно так называемый «суровый реализм» или «суровый стиль» Виктора Попкова наиболее созвучен стихам на военную тему К. Скворцова. Жёсткие детали, скупые краски, горькая интонация характерны для этой эстетики, в которой этическое и духовное напряжение словно свет во тьме светит, освещая простые русские лица, бедные избы, горькие песни... Война, старики и

старухи – одна из неотступных тем Виктора Попкова, достаточно вспомнить его знаменитые картины «Хороший человек была бабка Анисья», «Моя бабушка и её ковёр», «Воспоминания. Вдовы», «Северная песня. «Ой, да как всех мужей побрали на войну», «Старик», «Шинель отца»...

Кажется, и стихи К. Скворцова рыдающей нотой своей перекликаются, аукаются с картинами В. Попкова:

*У порога собака.
Ветер в печке свистит.
Вяжет спицами бабка,
Как ворона летит.
Долго жить ли на свете,
Ей в тепло бы, к родне...
– Бабка, где твои дети?
– Там оне, на войне.
Как теперь ни аukai, –
Срок вертаться прошёл...
– Ну, а где твои внуки?
– Не родились ишо...
...У порога собака.
Ветер в печке свистит.
Машет крыльями бабка
И куда-то летит.*

Невозможно без волнения и отстранённо наблюдать эту, уже нашу, послеесенинскую, материнскую «Русь уходящую», улетающую... Хотя и утешают мысль и вера, что летит она всё-таки в небеса, прощённая Богом за вольные и невольные прегрешения, выстрадавшая и вымолившая себе (и нам, грешным, вымолит!) – горную обитель, а не преисподнюю лютую...

Песенному, лирическому складу многих стихотворений К. Скворцова по-своему родственна народная мелодическая стихия музыки Валерия Гаврилина. И вообще есть какая-то неразгаданная тайна нашего народа в отношении (ныне, увы, угасающем) к песне. Тайны этой, как и самой России, по Тютчеву, ни умом рациональным не понять, ни аршином западным не измерить. Сравнить нашу вековечную тягу к песне можно разве что с известной «русской болезнью», только, в отличие от первой, погубительной, – душеспасительной болезнью...

В двадцатом столетии в утраченной ныне стране песня не только «строить и жить» помогала (хотя действительно помогала!), но и была своего рода соборным и келейным исповеданием души народа («Моли Бога соборне и келейне», – говорилось в старину)... Соборно (коллективно) предвоенное и фронтовое поколение верили в романтику строительства светлого будущего, в светлый

путь, в победу над любым врагом; соборно обманывались, соборно защищали Родину, но келейно причитали «Ой, да как всех мужей побрали на войну», признавались «как тоскует мой голос живой», заклинали «жди меня»... Поколение военного детства соборно через песню вознесло к небесам невыносимый голос вселенского сиротства, горе безотцовщины, детдомовской бездомности... Как у Игоря Шкляревского:

*В той области небес нет сторожа у входа,
но человек туда всей жизнью не войдёт.
Там реют сироты сорок второго года,
там вечерами хор детдомовцев поёт.*

Но что-то уже меняется в обезумевшем мире, в атеистической атмосфере государства вместе с сиротскими песнями, словно сами небеса содрогнулись от «слезинки ребёнка», и вот уже «высоко над холодной страной ангел летит с пионерской трубой» (И. Шкляревский)... Эту перемену, этот одухотворённый страданием пророческий слух поколения подранков войны лаконичной формулой передал Николай Рубцов:

*Я слышу печальные звуки.
Которых не слышит никто...*

Константин Скворцов не только обогатил и расширил эту тему, внёс в неё новый драматизм и драматургию, но и сам стал автором многих замечательных песен. Отобразив поющую Россию, он нашёл в ней народную мудрость и терпение, свою, очень сокровенную соборность, поднимающую простого человека, простую человеческую жизнь до эпической, философской высоты:

*В глубинке русской посреди разрухи
У нищих окон, как у царских врат,
Сидели на завалинке старухи
И тихо пели, глядя на закат.*

*Ни радио хрипящего, ни света,
Ни вечных кур, ныряющих в пыли...
Остались только песни им... И это
Взамен молочных речек и земли.*

*В чужие дали уходило солнце.
В чужие клетки сыпалось зерно...
На мой вопрос: и как же вам живётся? –
Они глаза подняли озорно.*

*Святая Русь, не знаящая покоя,
Омытая слезами, как дождём,*

*Где б я ещё услышать мог такое? –
Чего не доедим, то допоём!..*

*В глубинке русской над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко,
И медленно вращался шар земной.*

В приведённых нескольких строках стихотворения целая история страны XX века, история души и психологический портрет русского народа, судьба русской женщины, полотно для современной повести временных лет...

Но песенная тема в творчестве К. Сворцова будет неполной без его знаменитого стихотворения «Матушка пела», в свою очередь тоже ставшего песней. Не потому ли стихотворение обрело известность и даже в определённом смысле стало «своим», что в каждом из нас задело какую-то очень личную, щемящую струну, напомнив о предательски забытых нами песнях наших собственных матерей...

*Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.*

*Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё...*

*Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

И становится понятно, что для К. Сворцова песня тоже из «родового древа», многое объясняющая в нашей русской судьбе. Не жаловались наши матери, не обижались, не требовали, а трудились, как некрасовская «русская женщина», трудились, несли свой крест и – пели... Как в античной драме – всё здесь так просто, ясно, человечно и – высоко!.. И свято. За что русскому человеку и умереть не страшно в минуты испытаний. И хотя поэт признаётся: «Я знаю, никакой тиран Слезы бы из меня не выжал!», но, слушая песню, так же, по-рубцовски, поднимает к небу полные слёз глаза:

*И замираю всякий раз
У песни той на самой кромке.
И над собой, как Божий глас,
Я слышу голос твой негромкий...*

Пережитые страдания обостряют не только внешнее зрение, слух, но и зрение сердца, повышают болевой порог восприятия мира. Эти поразительная ранимость и чувствительность особенно видны в замечательных стихах К. Сворцова о природе. Природа в его стихах, как часть утраченного человеком рая, всегда находится как бы между гимном и реквиемом, между восторгом, восхищением и оплакиванием, печалью по утрате гибнущей, разрушаемой красоты, неповторимого лика Родины. Мы живём в такие времена, когда уже не получается спокойного созерцания, как у Генри Торо в его описании «Жизнь в лесу», сама природа становится участником современной драмы, предчувствием близкого Апокалипсиса:

*Дымит полынь. Чуть теплится пырей.
Мелькают волки в поисках поживы.
Да скрипы деревянных журавлей
Напоминают мне, что люди живы.*

Неслучайно есть у К. Сворцова стихотворение с экспрессивным названием «Крик травы», словно повторяющим страшную картину Эдварда Мунка «Крик», ибо испытывать ужас может не только человек, но и трава, как всё живое:

*...До зари
Лишь меня будят дальние крики,
Будто просят о помощи.
Кто – не пойму!
... Я в тревоге
Стою у распахнутых окон.
А лесник,
Свесив бороду с тёплой печи,
Говорит:
– Спи, сынок.
До рассвета далёко.
В пойме режут траву –
Вот она и кричит.*

И всё же, как бы там ни было, поэт помнит, что было в начале, до созерцания естественной природы Жан Жаком Руссо и Г. Торо, до ломоносовского «открылась бездна звезд полна», до пушкинского «В багрец и в золото одетые леса...», до тургеневских пейзажей, до есенинских «золотых рощ», до прищвинской «весны света»: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле... И увидел Бог, что это хорошо». (Книга Бытие 1:11,12) Потому и в стихах Константина Сворцова природа, несмотря ни на что, даже на краю гибели, даже при звуках

прощального реквиема, зримым образом являет собой высший замысел мироздания:

*В болоте чахнет мелколосье,
Но ели набирают цвет.
И в этом вечном равновесье
Ни времени, ни смерти нет!*

Потому так отзывчива природа у К. Скворцова на человеческое участие, когда хрупкую гармонию «вечного равновесия» от надвигающегося хаоса удерживает любовь:

*К суеверьям с тобой мы не склонны,
Но ни пчёлы, прости, ни шмели,
Ты вчера прикоснулась к бутонам,
И наутро они расцвели.*

Даже там, где К. Скворцов меняет регистр звучания своих стихов, беря публицистическую ноту, он остаётся лириком, поэтом, по его признанию, «отбившимся от Вселенских рук». «Злоба дня» для него имеет значение лишь тогда, когда она разрушает круг бытия, разрывает связь времён, связь человеческих сердец, когда посягает на вечные ценности, на любимого человека:

*По планете несётся шальная вода.
Ты готова ступить, но не видишь куда.
Целой жизни сейчас может стоить просчёт.
Оступись – ничего на земле не спасёт.*

И так естественно, что, пытаясь найти твёрдую надёжную почву под ногами, мы ищем спасения души в поиске Истины. Но безмерно труден путь к храму в обречённом современном мире. Как об этом повествуется в одном из лучших и беспощадных

стихотворений К. Скворцова «В порту»:

*На пристани, где скользкие мостки,
Где слёзы бабьи солоней, чем шутки,
Стоял корабль «Игумен Дамаскин»,
И громко торговались проститутки.*

*Подслеповато с обветшалых крыш
Моргала иностранная реклама...
И нас понёс по волнам старый «Стриж»
Из суеты сует до Валаама.*

*Там встретит церкви купол голубой,
И в сердце заживёт любая рана.
О, как же мы надеялись с тобой
Не встретить там торгующих у храма.*

*Но не случилось. Потому и ты
Опять грустна. Опять идёшь по краю.
Что привезли мы больше – суеты
Иль благости? Прости, Господь, не знаю...*

Горькое, прямо скажем, признание, но не тупик. Конец пути не в характере К. Скворцова. Отчаянный поэт, «отбившийся от Вселенских рук», переживая трагедию последних времён, надрывая любящее сердце между гимном и реквиемом, под огненными взрывами и сияющими нимбами над головой, он мужественно смотрит в будущее, оставляя себе и нам надежду и веру:

*Радуйся птице, что села к тебе на ладонь.
Радуйся пуле, что мимо меня пролетела...
Радуйся, милая, что благодатный огонь,
Душу согрев, не забыл наше грешное тело...*

□

Геннадий Николаевич КРАСНИКОВ

родился в 1951 году в городе Новотроицке Оренбургской области.

*Автор поэтических сборников: «Птичьи светофоры»,
«Пока вы любите...», «Крик», «Не убий!..», «Голые глаза»,
«Кто с любовью придёт...» и других.*

*Лауреат премии имени М. Горького, имени Б. Полевого,
Большой литературной премии, премии имени К.Д. Бальмонта,
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.*

Живёт в городе Лобня Московской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

